

ГИПОТЕЗЫ

DOI 10.37386/2305-4077-2023-1-146-169

О. Б. Заславский¹

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

«ФАТАЛИСТ»: ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ И СВОБОДА ВОЛИ КАК ФАКТОРЫ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

Предложен структурный анализ лермонтовской новеллы «Фаталист». Обсуждаются основные структурные принципы, на которых построен художественный мир «Фаталиста». В нем художественным образом исследуется вопрос о наличии или отсутствии детерминизма. С этим связано представление о жизни как повторении, с небольшими вариациями предыдущего уже известного образца, который в свою очередь восходит к архетипу. С другой стороны, в произведении действует иные структурные принципы, противоположный детерминизму. Это неопределенность, неясность образов, интерпретаций событий и самих событий. В ситуациях же с четким, но неоднозначным выбором – это возможность непредсказуемых исходов. Это делает художественно значимым числовой двоичный код. В частности, это касается роли карточной игры. Так, встреча Вулича с казаком и трагическая гибель Вулича могут быть описаны как структурный аналог игры в «Штосс», где требуется правильная идентификация объекта. В произведении опровергаются детерминизм и однозначность, однако подтверждается сам факт наличия закономерностей и естественность повторений ключевых элементов, без которых невозможна сама жизнь.

Ключевые слова: детерминированность, предсказуемость, неопределенность, мотив зрения

O.B. Zaslavskii

Kharkov V. N. Karazin National University

"FATALIST": PREDETERMINATION AND FREEDOM OF WILL AS FACTORS OF THE TEXT STRUCTURE

The author of the article proposes a structural analysis of Lermontov's short story "The Fatalist". The main structural principles on which the artistic world of the Fatalist is built are discussed. It artistically explores the question of the presence or absence of determinism. Related to this is the idea of life as a repetition, with slight variations of the previous already known pattern, which in turn goes back to the archetype. On the other hand, other structural principles opposite to determinism operate in the work. This is uncertainty, ambiguity of images, interpretations of events and ambiguity of the events. In situations with a clear but ambiguous choice, this is the possibility of unpredictable outcomes. This makes the numerical binary code artistically significant. In particular, this concerns the role of the card game. Thus, Vulich's meeting with a Cossack and the tragic death of Vulich can be described as a structural analogue of the game of "Shtoss", where the correct identification of the object is required. The work refutes determinism and unambiguity, but confirms the very fact of the presence of patterns and the naturalness of repetitions of key elements, without which life itself is impossible.

Key words: determinancy, predictability, uncertainty, motif of sight

¹ Олег Борисович Заславский доктор физ.мат. наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (Харьков), zaslav@ukr.net.

Предварительные замечания

Новелла Лермонтова «Фаталист» многократно обсуждалась и продолжает обсуждаться в научной литературе. Вполне естественно, что в центре таких исследований стоят проблемы предопределения и свободы воли, как они представлены в новелле. Однако здесь непредвзятый исследователь наталкивается на ряд противоречий и кажущихся несогласованностей в мотивировке действий персонажей и интерпретации их поступков (как другими исследователями, так и самими персонажами)². Многие из этих аномалий в предыдущих работах не получили должного объяснения, игнорировались или остались просто незамеченными.

Не претендуя на всестороннее обсуждение указанных проблем, мы предлагаем новый разбор произведения, основанный на структурном анализе. Мы концентрируемся на аспектах, которые, по нашему мнению, не получили должного освещения. По возможности не повторяя сказанное ранее в исследовательской литературе, мы особое внимание уделяем упомянутым аномалиям. Что касается общепhilosophических вопросов, затронутых в произведении, мы рассматриваем их как реализацию художественной структуры, избегая предвзятых представлений, напрямую с текстом не связанных³.

Вулич и предопределение

Для демонстрации существования предопределения Вулич решил нажать на курок пистолета, приставленного ко лбу. В результате «доказательство было разительно» (с. 115). Однако имеет также смысл, несмотря на всю эффективность происшедшего, провести мысленный эксперимент и представить себе другую (виртуальную) ситуацию. На вопрос Вулича, заряжен ли пистолет, майор не смог ответить определенно, так как «в замешательстве не помнил хорошенько» (с. 112). Но представим себе, что вместо этого майор подтвердил бы, что пистолет заряжен. Провел бы Вулич свой эксперимент или нет?

Отступить уже было бы некуда – все равно Вуличу пришлось бы провести эксперимент с выстрелом (иначе он попал бы в смешное положение и утратил свою репутацию). Однако стрелять в голову, твердо зная, что пистолет заряжен, и рассчитывать, что при этом просто повезет, было бы уже за гранью допустимого риска. А ведь Вулич не мог знать заранее, какой ответ даст майор⁴. Напрашивается предположение, что Вулич был уверен в благоприятном для себя исходе в любом случае.

² В качестве примера можно привести сказанное по этому поводу в книге Михайловой: «Лермонтов как бы говорит своей новеллой: никто не может решить окончательно, существует предопределение или нет, поскольку всегда остается место для случайности, для субъективных “промахов мысли” при объяснении явлений; но даже если предопределение и существует (к чему склоняет пример судьбы Вулича), то и в таком случае человеку остается одно – действовать, испытывать судьбу» [Михайлова, 1957, с. 340]. Такие несогласованности и непоследовательности в описании текста не помогают понять природу его собственных художественно значимых противоречий.

³ Цитаты (с указанием номера страницы в круглых скобках) даются по изданию [Лермонтов, 1962].

⁴ В тривиальном случае (ответе, что пистолет не заряжен) Вуличу пришлось бы изменить условия эксперимента или провести другой.

Напомним теперь рассказ о том, как Вулич пошел отдавать карточный долг в ситуации, когда уже шел бой: «Вулич не заботился ни о пулях, ни о шашках чеченских» (с. 111)⁵. Это невозможно объяснить одной лишь щепетильностью и необходимостью отдать долг чести: ведь если бы Вулич был убит, он не смог бы отдать этот долг – как раз необходимость расплатиться требовала, чтобы должник остался жив.

Суммируя, естественно предположить: Вулич верил, что *от оружия он не погибнет (предопределение исключало его смерть от пули)*⁶. В это вписывается и его роковая встреча с казаком. Он вполне мог увидеть окровавленную шашку в руках казака (подробнее об этом – далее⁷), но это его не остановило и не помешало задать казаку вопрос, оказавшийся роковым.

Более того, высказанная выше догадка позволяет предложить простое психологическое объяснение тому странному смущению, которое вызвало у Вулича предсказание Печорина: «...только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть... Этот же человек, который так недавно метил себе преспокойно в лоб, теперь вдруг вспыхнул и смутился» (с. 114). Вулич был спокоен, пока речь шла об эксперименте с оружием, но слова Печорина он должен был воспринять как указание на иную, не связанную с оружием и заранее не ясную причину смерти, против которой у него не было защиты.

Карты как структурная модель ситуации

В разговоре с Печориным после только что состоявшегося смертельно опасного эксперимента Вулич говорит: «...это лучше банка и штосса» (с. 114). Сравнение понятно, поскольку в обоих случаях происходит выбор из двух возможностей, одна из которых соответствует проигрышу (смерти), а другая – выигрышу (жизни). Но помимо этой очевидной аналогии, в произведении существует еще одна, завуалированная и носящая структурный характер.

Напомним, что в игре в банк или штосс понтер выигрывает, если заранее выбранная им карта совпадает по значению с той, что выпадает слева от банкмета. То есть требуется произвести *правильную идентификацию заранее выбранного объекта*. Но именно это и происходит, когда в темном переулке Вулич встречает казака, задает ему вопрос, кого он ищет, и получает ответ: «Тебя!» Вулич здесь, задав вопрос о правильной идентификации искомого, выполнил функцию банкмета, а казак – понтера (для которого в этом случае искомая жертва и случайно встреченный прохожий совпали в одном лице). Одновременно, произошла еще одна идентификация: такие условные банк и штосс как раз совпали со смертельно опасным экспериментом, с которым эти карточные игры Вулич сравнивал ранее.

⁵ Ср. с «Щит мой от стрел и меча заколдован» в «Пленном рыцаре».

⁶ Здесь необходима оговорка. Какой-то минимум неопределенности и, соответственно, неуверенности у Вулича, естественно, все же не мог не остаться. Так, в ответ на предостережение Печорина Вуличу, что тот нынче умрет, Вулич отвечает: «– Может быть да, может быть и нет...» (с. 112).

⁷ Здесь и далее выделено нами. – О.З.

Поскольку казак разрубил Вулича «от плеча почти до сердца» (с. 116), смертельный удар был нанесен в левую половину тела. Но в карточной игре банкومت (роль которого выполнил Вулич) проигрывает как раз в случае совпадения значения своей карты с тем, что выпадает слева от него.

Связь между карточной игрой и смертельно опасной ситуацией в произведении существует не только по сходству, но и по смежности. Так, окончание карточной игры, в которой Вулич метал банк, совпало с началом боя. При проведении смертельно опасного эксперимента Вулич просит Печорина подбросить карту и нажимает курок как раз тогда, когда она падает обратно. Данный пример интересен еще и тем, что в нем сочетаются случайность и детерминизм. С одной стороны, выстрелит пистолет или нет – событие непредсказуемое. С другой – ясно, что рано или поздно карта упадет на стол просто в силу законов физики, иного варианта тут нет. То обстоятельство, что на испытание с вероятностным исходом накладывается жесткий детерминизм, как нельзя лучше иллюстрирует убежденность Вулича в том, что согласно предопределению никакая случайность здесь ему не помешает – ему суждено уцелеть. С картой (объектом, с которым в банке или штоссе связан чисто вероятностный, случайный процесс) в данном эпизоде оказывается сопряжен именно детерминизм, а не случайность. Это является примером характерного для произведения переплетения детерминистских и случайных процессов и связанной с ним неустранимой неоднозначности в интерпретации событий (о чем мы не раз будем еще говорить ниже).

Таким образом, в явном или неявном виде (как структурная схема) карточная игра проявляет себя во всех трех эпизодах, где Вуличу угрожала смертельная опасность: в бою, опасном эксперименте и роковой встрече с казаком. В последнем случае Вулич, выигравший накануне, опять оказывается в положении проигравшего.

Обычно, когда карточная игра используется в художественном произведении в качестве модели, «всякий, оперирующий с нею, может подставить себя лишь на одно место – понтера, место банкомета чаще всего дается в третьем лице; примером редких исключений может быть Сильвио в “Выстреле”, что вполне объяснимо, поскольку Сильвио разыгрывает роль “рокового человека”, представителя судьбы, а не ее игрушки» [Лотман, 1975, с. 128]. С этой точки зрения, случай Вулича в «Фаталисте» особенно интересен, так как он не вполне вписывается в схему, очерченную Ю. М. Лотманом. С одной стороны, Вулич представляет активную сторону – банкомета – во всех трех эпизодах. Перед началом боя он буквально выполняет эту функцию в игре. На вечере у майора С*** именно он оказывается инициатором последующего эксперимента: «...я вам предлагаю испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута...» (с. 111). А при встрече с казаком он задает роковой вопрос.

С другой стороны, во всех трех случаях Вулич находится в положении жертвы, пассивно ожидающей своей судьбы. Когда Вулич искал своего «счастливого понтера», он «не заботился ни о пулях, ни о шашках чеченских» (с. 111). Когда он нажимал курок, он также всецело верил себя судьбе. Что касается рокового вопроса казаку, то по поводу структуры эпизода в целом возможны различные

интерпретации (см. ниже). Но, вне зависимости от них, от внезапного и сильного удара шашкой защититься было невозможно.

Можно сказать, что Вулич с присущей ему смелостью действительно стремился к таким ситуациям, в которых риск максимален, но активность личности минимальна. Более того, это относится не только к нему самому, но и к его окружению, которое он дважды на страницах новеллы ставил в сходное положение. Когда начинался бой, он крикнул своему карточному партнеру: «Поставь ва-банк!» То есть предложил рискнуть по максимуму в игре, где от самого игрока не зависело ничего, и он должен был полагаться на случай. Когда у майора С*** состоялся спор о предопределении, именно он предложил: «...я вам предлагаю испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута...» (с. 111). Следовательно, Вулич противоречивым образом соединил в своем поведении черты банкомета (распорядителя, за которым стоит судьба [Лотман, 1975]) и понтера – того, кто вынужден пассивно ожидать, повезет ему или нет.

Двоичность

Таким образом, карточная игра в значительной степени организует сюжет новеллы. Речь идет не только о соответствующих эпизодах произведения. Роль карточной игры заметна также в двоичном числовом коде, поскольку, подобно банку или штоссу, ключевые моменты сюжета предлагают альтернативный выбор. Прежде всего, это выбор между жизнью и смертью. Также в произведении ставится вопрос общего характера, предполагающий единственно возможный (казалось бы) ответ из двух: существует предопределение или нет? Кроме того, становится значимым сам принцип раздвоения, разделения на две части.

Этот принцип непосредственно проявляется в сцене убийства. Сам его характер – рассечение острым оружием – означает противоестественное «раздвоение», несовместимое с жизнью. А до этого пьяный казак убил тем же способом свинью. Печорин живет в станице «две недели», но две недели – это как раз половина месяца, который тем самым как бы рассекается надвое этой временной границей. Когда Печорин возвращался после карточной игры, «месяц полный и красный, как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов» (с. 114). Это означает, что диск луны рассекается на две части линией крыш. Таким образом, месяц (в обоих смыслах слова: и как временной промежуток, и как луна) подвергается рассечению на две части. Про Вулича говорится, что предопределение «спасло его от неминуемой смерти за полчаса до смерти» (с. 116): час как бы рассекается на две половины. А повторение слова «смерть» образует пару, элементы которой имеют противоположный смысл (спасение – гибель).

Помимо разделения целого на две части, в тексте также действует принцип удвоения отдельных элементов. Так, казак совершает два убийства шашкой: сначала – свиньи, потом – Вулича. В данном контексте, как мы видели выше, актуальны два варианта понятия «месяц». Вулич проводит эксперимент, состоявший из двух частей: сначала приставляет пистолет ко лбу и нажимает курок, потом

стреляет в фуражку. В удвоенном выстреле повторяется один из ключевых элементов сюжета пушкинского «Выстрела». Причем здесь существенно не только чисто внешнее сходство сюжетных элементов, но и сам факт, что в структуре «Выстрела» значимо число «два» [Заславский, 2022 b, с. 20–43]. В частности, укажем на двойной выстрел, когда Сильвио всаживает пулю в пулю.

Удвоение проявляет себя и в том, что Печорин «вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно», так что ему «стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» (с. 115). Самоанализ героя указывает на дуализм двух сущностей: текста «книги жизни» и его реализации. Также Печорин, решив захватить убийцу живьем, отчасти повторяет (удваивает) эксперимент Вулича: «...подобно Вуличу, я вздумал испытать судьбу» (с. 117).

Число «два» многократно обнаруживает себя и в более мелких деталях экспозиции и сюжета «Фаталиста». Печорин, предлагая Вуличу пари, высыпает на стол «десятка два червонцев». Вулич, ставя свои деньги, разбивает процедуру на две части: ставит пятнадцать своих червонцев и пять от майора, который их ему должен. За пьяным казаком бегут, пытаясь его остановить, два других казака. Умиравший Вулич произносит два слова. Произведение заканчивается упоминанием краткой беседы героя с Максимом Максимычем, который высказывается на тему предопределения. Здесь значимо не только само высказывание персонажа, но и то, что его имя повторяет (удваивает) имя отца.

Двоичность проявляет себя в числовом коде и косвенно. Неоднократно в новелле встречается упоминание чисел 5 и 10. Причем в контексте новеллы соотношение 10 и 5 – это реализация мотива рассечения на две части. Пари идет на червонцы, то есть монеты по 10 рублей каждая. Однако Вуличу не хватает 5 червонцев. Вот реакция одного из офицеров: «– Держу пятьдесят рублей против пяти, что пистолет не заряжен! – закричал третий» (с. 112). Здесь пятерка удваивается.

Эпизод со старухой

Важным вариантом проявления двоичности является, как мы видели, рассечение на две части. В данном ряду особое место занимает случай, когда мотив рассечения надвое, в свою очередь, актуализует целый набор семантических связей в соответствующем контексте. Рассмотрим эпизод со старухой: «...она сидела на толстом бревне, облокотясь на свои колени и поддерживая голову руками: то была мать убийцы» (с. 116). До относительно недавнего времени важность этого эпизода недооценивалась в литературе о «Фаталисте». На его смысловую нагруженность обратил внимание В. А. Тюпа [Тюпа, 2009, с. 76], однако мы хотим указать на другие аспекты и дать иную интерпретацию ряда важных деталей.

Толстое бревно, как правильно отметил Тюпа, представляет собой «семантическое эхо толстой свиньи». Однако это – лишь внешнее сходство, за которым можно обнаружить сопоставление на более глубоком уровне. В обоих случаях (бревна и свиньи) произошло убийство (буквальное или условное), превращение объекта живой природы в нечто мертвое: казак убил свинью, дерево ранее сру-

били. Причем в обоих случаях это сделано одним и тем же способом – рассечением. Тем самым в обоих предметах представлен контраст, реализация в истории объекта двух непримиримых состояний – живого и мертвого.

Присутствие контрастов и оппозиций получает развитие в образе жительницы станицы. Она – мать, но при этом – мать убийцы. Рождение, продолжение жизни сочетается с превращением живого в мертвое. Но дело не только в том, что совершил ее сын. Про женщину сказано: «старуха». То есть свойство «быть матерью, давать жизнь» сочетается здесь с утратой этой способности. Старуха сидела, «облокотясь на свои колени и поддерживая голову руками» (с. 116). Здесь в едином объекте совместились свойства живого и неживого. Невозможность удержать голову – это признак смерти, обмякшее тело лишается возможности самостоятельных действий. Но поддержка такой безвольно падающей головы – это характерный признак живого, противодействующего смерти⁸.

Таким образом, в данном эпизоде проявила себя дуальная структура мира и описывающего ее текста как набора двоичных противоположностей, которые тем не менее противоречивым образом могут сочетаться в одном и том же объекте.

Имена и семейные отношения

Структурный принцип удвоения организует также весь комплекс мужских имен новеллы. Помимо уже отмеченного повторения имени отца в имени сына, принцип удвоения осуществляется еще одним способом. Перечислим мужские имена в порядке появления в тексте: майор С***, Вулич, Печорин, Еремеич, «брат Ефимыч», Василий Петрович, Максим Максимыч. За исключением фамилии главного героя, имена собственные остальных персонажей содержат отчество или заканчивается на «ич/ыч»⁹. В таком контексте даже сербская фамилия «Вулич» начинает условно читаться по-русски, как будто в ней проглядывает окончание, типичное для отчества¹⁰. Мотив отчества означает отсылку к соотношению «отец – сын» и тем самым определенную преемственность. Он также указывает на тот минимум «предопределения» (предустановленный образец), без которого человек и человечество не могут существовать, – наличие отца¹¹.

⁸ В поддерживании своей головы руками Тюпа видит «семантическое эхо рассеченности», что странно, так как никакое обезглавливание старухе не грозит. С нашей же точки зрения, здесь мотив разделения целого на части проявляет себя не столь буквально, а как конкретная реализация более общего свойства, связанного с противопоставлением живого и мертвого.

⁹ Точнее говоря, сначала майор появляется с именем в виде аббревиатуры, но потом раскрываются и имя, и отчество; ясно, что речь идет о том же самом майоре, а не о другом.

¹⁰ Однако на таком фоне сочетание «ич» в фамилии Вулича лишь подчеркивает его чужеродность окружению. Также он находится вне семейных связей, и указано, что «он никогда не волочился» за молодыми казачками (с. 111).

¹¹ Что касается майора С***, то звездочки, соседствующие здесь с буквой, метонимически представляющей имя человека (а стало быть – его самого), могут быть поняты как отсылка к мотиву неба (о котором вспоминают офицеры в гостях у майора, а затем – Печорин по дороге домой) и его связи с судьбой, – тем более что этот персонаж как раз и начинает на страницах новеллы спор о предопределении.

Также в новелле значимо наименование «брат», которое, будучи чистой условностью (так как ни о каких братских отношениях в буквальном смысле речь не идет), неизбежно актуализует соответствующие семантические связи. Даже убийцу называют братом (есаул обращается к убийце «брат Ефимыч»). В конце Максим Максимыч вспоминает о черкесских винтовках: «...они как-то нашему брату неприличны» (с. 118), имея в виду русских военных. Но для Вулича попытка назвать казака братцем тут же заканчивается трагически. Отвержение «брата» и братских отношений следует в форме буквального рассечения.

Литературные параллели

Выше уже говорилось, что в произведении содержатся прозрачные отсылки с пушкинскому «Выстрелу», связанные со стрельбой и ролью числа «два». К сказанному добавим, что начало «Фаталиста» (о том, как офицеры собирались друг у друга в отсутствие женщин и «открытых» домов) напоминает начало «Выстрела»¹².

В данном произведении встречается еще один пример полускрытой отсылки к предшествующему тексту. Фрагмент «мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!..» (с. 114) напоминает то место из «Гамлета» (Акт 1, Сцена 4), где Гамлет встречает капитана норвежцев: «Двух тысяч душ, десятков тысяч денег // Не жалко за какой-то сена клоч!» [Шекспир, 1994, с. 165]. Тем самым «Гамлет» (как один из ключевых текстов мировой литературы) включается в ряд первоисточников. Можно думать, что значимость «Гамлета» в «Фаталисте» обусловлена и тем, что это метонимически актуализует знаменитый монолог «Быть или не быть» – выбор, соотносимый с экспериментом Вулича.

В данной новелле сам факт отсылки к литературному образцу становится содержательным: интертекстуальные связи вступают в семантические отношения с замечанием героя «я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» (с. 115). Сказанное относится и к библейским параллелям.

Библейские подтексты

Еще один важный пример повторения, на котором стоит остановиться отдельно, связан с наличием библейского подтекста. «Но что от этого мне осталось? – одна усталость, как после ночной битвы с привидением, и смутное воспоминание, исполненное сожалений. В этой напрасной борьбе я истощил и жар души и постоянство воли, необходимое для действительной жизни; я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» (с. 115). В комментариях

¹² В ряде работ о «Фаталисте» упоминается «Выстрел», однако, как правило, дело сводится к сопоставлению Вулича и Сильвио как отдельных персонажей. Мы же хотим подчеркнуть более общие параллели.

к «Фаталисту» в недавнем собрании сочинений по поводу фрагмента «как после ночной битвы с привидением» сказано: «Возможно, ироническая отсылка к ветхозаветному сюжету о ночном поединке Иакова с ангелом (Быт. 32, 24–29)» [Лермонтов, 2014, с. 517].

Это замечание представляется нам бесспорным, однако дело не исчерпывается иронией: тут присутствуют характерные для Лермонтова богоборческие мотивы. В контексте данной новеллы они приобретают дополнительный смысл: борьба с Богом (которого метонимически представляет ангел) – это борьба против предопределения, из-за которого дальнейшая жизнь героя и ощущается им как воспроизведение заранее заданного в книге сценария действий.

Упоминание здесь книги – еще один намек на роль Библии. Между тем, в рассматриваемом отношении обнаруживается значимое противоречие. С одной стороны, библейская история привлекается героем для того, чтобы сообщить о своем отрицательном отношении к наличию предустановленного образца поведения. С другой – сам факт того, что упомянутая им история из собственной «первой молодости» имеет библейский прототип, как раз утверждает существование и неустранимость таких первичных («фаталистических») элементов.

Наличие библейского подтекста свидетельствует о значимости предустановленного образца. Этот фактор проявляет себя и помимо такого подтекста. Реплика Печорина: «...мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его» (с. 112), – тому еще один пример. Слово «печать» прямо указывает на воспроизведение предустановленного образца.

Утрата субъектности

В контексте проблемы фатализма удвоение проявляет себя еще одним, не вполне очевидным образом в эпизоде, связанном с убийцей Вулича. Этот напившийся «чихиря» казак разрубает свинью. Тюпа увидел здесь «намек на выход бесовской силы из телесной оболочки свиньи и вселение ее в казака (ср. евангельскую легенду об изгнании легиона бесов из одного одержимого и вселение их в стадо свиней)» [Тюпа, 2009, с. 75]. С учетом сочетания свиньи и одержимости связь с евангельской легендой, указанная Тюпой, представляется нам совершенно правильной. Однако в его конкретной интерпретации содержится несообразность, поскольку казак был «одержим» еще до встречи со свиньей. (Кроме того, заметим, что в Евангелии бесы не выходили из свиней, а вселялись в них). Смысл евангельской легенды в данном контексте существенно отличается, по нашему мнению, от предположенного Тюпой (который слишком буквально и «реалистично» интерпретировал евангельский подтекст эпизода).

Свойство одержимости означает, что человек теряет свободу воли и становится игрушкой в руках не зависящих от него сил. Но это – не что иное как еще одна реализация проблемы фатализма и свободы воли, столь актуальной для данной новеллы. Только сила, которая определяет судьбу человека, в данном случае противоестественно вошла в него самого. Хотя позднее казак, запершийся в хате и окруженный военными, кричит: «Не покорюсь!» – это относится к противодей-

ствию силам, которые для него являются внешними. При этом он, пока еще не придя в себя, по-прежнему ведет себя как одержимый собственным «бесом».

Мотив черта возникает в явном виде в самом конце. Максим Максимыч говорит о Вуличе: «Чёрт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!..» (с. 118). Тут же он приводит другое объяснение: «Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано...». Сам Максим Максимыч рассматривает эти объяснения как альтернативные друг другу (отсюда и «впрочем»). Однако между ними есть важный общий элемент: в обоих случаях человек действует управляемый внешней силой и не имеет собственной силы воли. В одном случае это внешнее воздействие носит локальный, сиюминутный характер и является эксцессом (черт дернул внезапно, здесь и сейчас), в другом – носит характер закономерности. В первом случае внешней силе свойственна непредсказуемость, во втором – ключевое свойство фиксировано заранее (хотя объекту внешней силы оно не известно). Но в обоих случаях человек – лишь объект воздействия. И в обоих случаях, где неявно присутствуют бесовские силы или явно упоминается черт, происходит утрата субъектности, затрагивающая как убийцу, так и его жертву.

Неопределенность

Выше мы видели, что произведению свойственна дискретность, связанная с альтернативным выбором, рассечением объектов на две половины и т. п. Однако, как мы сейчас увидим, здесь действует и прямо противоположный структурный принцип: размывание четких границ и создание неясных образов. Границы между разными фазами явления, очертания объектов и т. д. зачастую смазываются. Главный герой – серб, то есть уроженец страны, которая занимает пограничное положение между Россией и Турцией (под властью которой находилась Сербия). Неопределенность также затрагивает временные характеристики: «Уж восток начал бледнеть, когда я заснул», «В четыре часа утра» (с. 116). Время действия здесь таково, что невозможно сказать с определенностью – это еще ночь или уже утро¹³. О матери убийцы говорится: «Ее губы по временам шевелились: молитву они шептали или проклятие?» (с. 116) – неясность затрагивает даже прямые противоположности.

В произведении присутствует или упоминается целый ряд случаев, когда происходит борьба с врагом, идентичность которого неясна или выясняется в последний момент. Сюда относится «битва с привидением», о которой вспоминает Печорин. Казак вдруг осознает, что только сейчас нашел наконец искомого противника, и убивает его. Причем в сцене убийства предварительное выяснение идентичности как бы рассеивает неопределенность, и это оказывается фатальным: «...кого ты, братец, ищешь? – Тебя! – отвечал казак» (с. 116). Когда Печорин ворвался в хату, где укрылся убийца, то, по его словам, «дым, наполнивший комнату, помешал моему противнику найти шашку, лежавшую возле него» (с. 117). Однов-

¹³ Сходным образом дело с неопределенностью обстоит в «Тамани», в том числе с временными характеристиками [Заславский, 2022 а, с. 186–214].

ременно это означает, что дым должен был скрыть от взора казака и самого Печорина. Неопределенность затрагивает не только противника или схватку с ним, но и ощущения, которые вызывает такая борьба: «...не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою» (с. 115).

Эпизод гибели Вулича в рассматриваемом контексте значим еще и в следующем отношении. Можно ли рассматривать неожиданный и не имеющий рациональных оснований вопрос Вулича казаку как сознательный риск и новую игру со смертью, как второй эксперимент? В. А. Тюпа дает здесь однозначный утвердительный ответ: «*Вдруг остановясь*, как сказано о нем, Вулич, несомненно, решил продолжить смертельную игру с Печориным, в сущности, *поставившим* на скорую смерть своего *понтера*. Он повторно экспериментирует со смертельной опасностью» [Тюпа, 2009, с. 45]¹⁴. Разумеется, «необъяснимым поведением» Вулич привлекает «к себе внимание пьяного казака неожиданным и, по сути, провоцирующим вопросом». К этому можно даже добавить, что в руке казака Вулич мог увидеть обнаженную шашку (которой тот незадолго до этого зарубил свинью).

Однако можно выдвинуть и прямо противоположные аргументы. Эпизод происходил в темноте, заметил Вулич шашку или нет – неясно. В первом эпизоде с участием Вулича эксперимент был поставлен сознательно и подготовлен предыдущими обсуждениями, второй эпизод происходит случайно и практически мгновенно. О том, что Вулич ставит эксперимент, в первом случае он объявил сам и рассчитывал на зрителей. Во втором же случае его свидетельства нет, на зрителей он не рассчитывал; считать это экспериментом – не более чем предположение.

Поэтому интерпретация, которая предложена Тюпой, отнюдь не является единственно возможной. На фоне ясного эксперимента Вулича в офицерском обществе видно, что по отношению к вопросу Вулича, который он задал казаку, невозможно с достоверностью указать, был это эксперимент (проделанный для себя самого) или нет. Неясность поэтому затрагивает сам статус эпизода¹⁵.

Новелла заканчивается двойным объяснением, которое Максим Максимыч дает гибели Вулича: «Чёрт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!.. Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано...» (с. 118). Второй вариант указывает на предопределение, не зависящее от воли человека. Что же касается первого объяснения, то оно носит комбинированный характер и сочетает в себе указание на вмешательство чужой воли и непредсказуемую случайность: человек

¹⁴ Если проводить аналогию между пари и карточной игрой, то понтером является скорее не Вулич, а Печорин. Вулич же, затеявший эксперимент, выполняет функцию, аналогичную функции банкмета.

¹⁵ Ср.: «столкнувшись с казаком на темной улице (настолько темной, что будущий убийца свою жертву поначалу не заметил “и, может быть, прошел бы мимо”), Вулич явно не разглядел окровавленной сабли в его руке и просто не мог оценить рискованность своего вопроса» [Большухин, Александрова, 2011, с. 117]. На наш взгляд, эти авторы впадают в противоположную (по сравнению с В. А. Тюпой) крайность. Разглядел Вулич саблю или нет – неясно, однако сама эта неясность значима.

погиб случайно, поскольку совершил ошибку (заговорил с пьяным), но сделал это не целиком по своей воле, а потому, что его «черт дернул».

Более того, в словах Максима Максимыча некоторая двойственность просматривается не только в объяснении глубинной природы событий, но и в конкретных деталях. Он упоминает свойства азиатского (в частности, чеченского) оружия¹⁶. Получается, что чеченским оружием русские воевали против чеченцев. Причем у чеченских винтовок «приклад маленький, того и гляди, нос обожжет» (с. 118). Вред наносится не только объекту стрельбы, но и стреляющему субъекту: оружие как бы действует в обе стороны, объект поражения раздваивается.

Коммуникация: свидетели

Одним из проявлений неопределенности является отсутствие свидетелей в обсуждаемых эпизодах. Причем это касается вопросов, связанных с судьбой и потенциальной ролью предопределения или случайности. Соответствующие мотивы появляются уже в самом начале текста: «– Всё это, господа, ничего не доказывает, – сказал старый майор: – ведь никто из вас не был свидетелем тех странных случаев, которыми вы подтверждаете свои мнения...» (с. 110). Здесь отсутствие свидетелей подрывает надежность информации.

Мотив события без присутствия свидетелей и связанная с этим проблема достоверности возникают в тексте не раз. Печорин упоминает окончание вечера у майора: «Скоро все разошлись по домам, различно толкуя о причудах Вулича и, вероятно, в один голос называя меня эгоистом» (с. 114). Ясно ведь, что Печорин не присутствовал при этих разговорах. Еще раз вернемся к рассказу об эпизоде, где Вулич играет в карты в начале боя (его соперник уже победил на поле боя, а Вулич продолжает метать банк), проигрывает, потом направляется на место сражения и отдает деньги выигравшему. Был отрезок времени, когда только Вулич мог быть наблюдателем того, как идет игра в карты, свидетелей не было. А теперь представим себе, что Вулич не проиграл, а выиграл. Как, без прямых свидетелей, ему было бы объявить о своем выигрыше? Так или иначе, он бы попал в щекотливое положение. Приходится сделать вывод, что Вулич был вынужден объявить о своем выигрыше в любом случае. Поэтому, действительно ли «карта была дана» (с. 111) или Вулич совершил «подлог» против своей же пользы, неизвестно. Последняя ситуация вписалась бы в аномальный сюжет, который является характерным свойством поэтики Лермонтова: чтобы в конечном счете выиграть, герой должен действовать против своих непосредственных интересов [Заславский, 2022 а, с. 58–60]¹⁷.

¹⁶ До этого не было никаких указаний, что в руках у действующих лиц было именно такое оружие. Но поверим на слово опытному офицеру, много лет прослужившему в той местности.

¹⁷ На то, что здесь есть вопрос (проиграл ли Вулич в действительности или нет), было также указано в работе [Большухин, Александрова, 2011, с. 111]. Об этом же сказано в комментариях к произведению [Лермонтов, 2014, с. 513]. Мы же хотим подчеркнуть, что это обстоятельство является не изолированным, а вписывается в общий контекст, связанный с неопределенностью в данной новелле, а также в схему характерного для поэтики Лермонтова аномального сюжета.

Сказанное имеет следствие, усиливающее неопределенность. В сцене у майора Вулич сказал после пари по поводу того, что он счастлив в игре «в первый раз отроду» (с. 114). Если применить реплику Вулича к обсуждаемому эпизоду (игра в карты в начале боя), то ситуацию можно понимать двояко: а) тогда Вулич проиграл, б) тогда он выиграл, но все равно пришлось отдать деньги. В итоге, упомянутый эпизод остается непроясненным и не проясняемым в принципе.

Рассмотрим теперь ключевое событие – гибель Вулича. Вот точка зрения Б. М. Эйхенбаума на рассказ об обстоятельствах гибели Вулича: «Ясно, что никто кроме самого Вулича не мог рассказать об этом, а Вулич успел сказать только два слова: „Он прав“» [Эйхенбаум, 1924, с. 153]. Если бы сам Эйхенбаум был прав, то из этих слов исследователя следовало бы, что в тексте присутствует несообразность из-за авторского недосмотра. На это В. А. Мануйловым были представлены аргументированные возражения [Мануйлов, 1996, с. 368]: «Из всего контекста ясно, что краткий диалог Вулича и его убийцы был сообщен Печорину двумя казаками, которые “следили за убийцей” и “подоспели, подняли раненого”»¹⁸.

Однако правильное возражение Мануйлова еще не исчерпывает проблему. Печорин узнал о гибели Вулича от других офицеров. В свою очередь, они могли узнать все подробности либо от самих этих казаков напрямую, либо (что значительно более вероятно, так как вряд ли казаки сами пришли именно к ним с соответствующим рассказом) от еще каких-то офицеров или казаков в процессе распространения информации. В любом случае, есть целая цепь рассказчиков. Но наличие такой цепи делает сами сведения не абсолютно достоверными (хотя они остаются вероятными). Здесь можно провести аналогию с окончанием пушкинского «Выстрела». Сведения об обстоятельствах гибели Сильвио (его участие в освободительной войне греков против турок, предводительство отрядом этеристов) даны с пометой «сказывают». До относительно недавнего времени это обстоятельство, как правило, игнорировалось – особенно в советском литературоведении, где Сильвио делали борцом за свободу.

Мотив зрения

В начале произведения ставится вопрос о надежности информации о «странных случаях», в связи с чем старый майор упоминает об отсутствии свидетелей. Свидетель – это человек, который нечто видел своими глазами. Но глаза и взгляд упоминаются в ряде случаев и явно. Заметной деталью портрета Вулича являются его «черные пронизательные глаза» (с. 110). Именно глаза героя замечают дамы: «Говорили, однако, что жена полковника была равнодушна к его выразительным глазам» (111). Про сцену перед экспериментом Вулича Печорин сообщает: «Я пристально посмотрел ему в глаза; но он спокойным и неподвижным взором встретил мой испытующий взгляд» (с. 112). Уже после убийства: «Старуха посмотрела на него пристально и покачала головой» (с. 117).

¹⁸ Несмотря на то, что этот вопрос выяснен, Поволоцкая вновь вернулась к нему («Короткого разговора Вулича и пьяного казака не мог услышать никто»), причем без учета сказанного об этом в работах Эйхенбаума и Мануйлова [Поволоцкая, 2008].

Печорин упоминает, какую силу придавала предкам их «уверенность, что целое небо, с своими бесчисленными жителями, на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!..» (с. 114). То есть предки становились объектом разглядывания. Причем и их жизнь, уже угаснувшая, представляется в терминах огня и света: «...их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонек, зажженный на краю леса беспечным странником» (с. 114). Своего убийцу Вулич встречает на темной улице, причем казак на него наскочил. После убийства казак запирается в темной, плохо освещенной хате. Но тем не менее Печорину удается разглядеть ряд подробностей, из-за чего он как бы проявляет сверхъестественное зрение: «Я подошел к окну и посмотрел в щель ставня: бледный, он лежал на полу, держа в правой руке пистолет; окровавленная шашка лежала возле него. Выразительные глаза его страшно вращались кругом» (с. 116). Печорин отрывает ставень (предмет, служащий в том числе для защиты от света) и врывается в хату через окно, то есть отверстие в доме как раз для освещения. При этом казаку не удается разглядеть его врага: «...дым, наполнивший комнату, помешал моему противнику найти шашку, лежавшую возле него» (с. 116). Ранее Печорин вспоминал «ночную битву с привидением», в которой он истощил свои силы. Незадолго до убийства Печорин идет по темной улице, месяц только поднимается. Он натывается на нечто (оказавшееся убитой свиньей) и чуть не падает.

В вопросах о судьбе человека и возможности ее предвидеть зрение оказывается бесполезным. Даже в том случае, когда, казалось бы, Печорин видит «печать смерти» на лице Вулича, смысл увиденного оказывается отнюдь не таким однозначным, как можно было бы подумать (об этом см. подробнее ниже). Если же человек становится не субъектом, а (как ему представляется) объектом разглядывания со стороны высших сил, это может придавать ему силы, но все равно не отменяет того, что речь идет об иллюзии. Прямолинейные приемы (вроде пристального разглядывания) демонстрируют свою бесполезность на метафизическом уровне. Зато возможность увидеть самому, но стать невидимым для врага может оказать существенную помощь в критической ситуации реальной жизни, как при задержании казака Печориним.

Что мог увидеть Вулич?

Существует вопрос, который, по-видимому, вообще не был поставлен в литературе о «Фаталисте». Мог ли Вулич, до Печорина и двух казаков, увидеть зарубленную свинью? Вопрос на самом деле существенный в связи с потенциальной ролью предсказания. Подобная возможность значима в общем контексте тем, что вписывается в проблематику невидимых (происшедших без свидетелей) событий.

Поставленный вопрос можно было бы прояснить, если бы было возможно сопоставить маршруты движения персонажей и время действия. Однако пьяный казак, напившийся «чихиря» и пришедший в неистовство, мог кружить по станции самым непредсказуемым и прихотливым образом. Также непонятно, проходил ли Вулич мимо места, где лежала свинья, или нет. А даже если проходил, то неясно, была к тому времени свинья уже убита или нет.

В новелле совершенно ничего не говорится о возможности Вулича увидеть убитую свинью – в этом смысле текст содержит лакуну. Однако данные новеллы не позволяют отвергнуть такую возможность с полной определенностью. По нашему мнению, и здесь проявляет себя значимая неопределенность, характерная для «Фаталиста».

Поскольку данный эпизод исключить нельзя, то даже в таком виртуальном качестве он играет важную роль в смысловой структуре произведения, поскольку мог бы оказаться первым предвестием гибели¹⁹. Тогда вторым предвестием оказывается встреча с казаком, держащим в руке шашку (очевидно, окровавленную). Если допустить, что Вулич увидел зарубленную свинью, то это сделало бы особенно содержательным упомянутое выше предположение, что Вулич при встрече с пьяным казаком провел еще один эксперимент, пойдя на сознательный риск и игру со смертью (или же проявил беспечность, будучи уверен в своей неуязвимости от оружия). Однако здесь встречаются две неопределенности – как в отношении самого обсуждаемого эпизода (был он или не был), так и его интерпретации. Обсуждаемый виртуальный эпизод доводит до предела ситуацию, обозначенную в начале новеллы в словах майора, – полное отсутствие информации. Нет не только свидетельств события, но оно даже не упоминается. Таким образом, художественную функцию в «Фаталисте» выполняет сам факт умолчания.

Последние слова Вулича

О последних словах Вулича Печорин сообщает, что тот «сказал только два слова: “Он прав!” Я один понимал темное значение этих слов: они относились ко мне; я предсказал невольно бедному его судьбу; мой инстинкт не обманул меня, я точно прочел на его изменившемся лице печать близкой кончины» (с. 116). Здесь последние слова Вулича приведены сразу с интерпретацией, которую им дает Печорин. С тех пор авторы работ о «Фаталисте» приводят эту интерпретацию как само собой разумеющуюся, не подвергая ее сомнению. Однако ситуация здесь не столь проста, как это кажется на первый взгляд. И мнение Печорина не может считаться определяющим: в интерпретации слов Вулича у Печорина нет никаких преимуществ перед другими персонажами или читателями.

Дело в том, что Печорин на вечере у майора С*** сделал не одно, а **два** утверждения, значимые в данном контексте. 1) Печорин предложил пари (которое и запустило смертельно опасный эксперимент) со словами «нет предопределения» (с. 111). 2) «Вы нынче умрете, – сказал я ему» (с. 112). Какое из этих двух утверждений умирающий Вулич имел в виду? Рассмотрим возможные варианты.

Вариант А. Вулич подразумевал, что его гибель подтверждает второе высказывание Печорина. Тогда она становится еще одним сильным аргументом в пользу предопределения. Соответственно, процитированная выше интерпретация Печорина собственных слов после известия о гибели Вулича (назовем ее третьим высказыванием) правильна, а его первое высказывание оказывается ошибочным.

¹⁹ О роли предвестий в сюжетных текстах см. [Славутин, Пимонов, 2018].

Вариант В. Обстоятельства гибели Вулича таковы, что именно его собственное действие (неудачный вопрос пьяному казаку) его и погубило; не задай он этот вопрос – остался бы жив. О чем и говорится в тексте: казак «может быть, прошел бы мимо, не заметив его» (с. 116). Если Вулич успел понять это, то он с полным основанием мог иметь в виду не 2), а 1). Тогда предсказание смерти, несмотря на то, что формально оно исполнилось, оказывается не более чем случайным совпадением, не имеющим особого смысла. Дополнительный смысловой нюанс в этом варианте возникает, если считать справедливой догадку, высказанную нами выше, об уверенности Вулича в том, что от оружия он не погибнет. Тогда Вулич должен был бы посчитать, что его ошибка носила двойной характер: никакого предопределения нет, а его вера в свою неуязвимость от оружия была иллюзией.

В варианте А Печорин оказывался прав в 2) и 3), но ошибался в 1). В варианте В Печорин оказывался прав в 1) и 2), но предсказание 2) меняло свой статус: из предвидения будущего оно превращалось в случайное совпадение. Соответственно, его высказывание 3) оказывалось неверным: событие произошло, но случайным образом; его полноценного предсказания не было.

Какой из двух взаимоисключающих вариантов имел в виду Вулич, сказать невозможно. Соответственно, и для выяснения мнения персонажа о наличии или отсутствии предопределения его последнее высказывание не дает ничего определенного. Это высказывание погружено в стихию неопределенности, неясности и не допускает однозначной интерпретации в принципе. В этом и состоит его подлинный смысл в тексте²⁰.

Но и объективно гибель Вулича не может однозначно прочитываться ни в пользу существования предопределения, ни против этого (будучи результатом сочетания нелепых случайностей и собственной ошибки человека).

Фатализм или случайность?

В произведении обнаруживаются три эпизода, которые можно интерпретировать с точки зрения аргументов за и против существования предопределения. Когда Вулич стреляет себе в лоб из (как впоследствии выяснилось) заряженного пистолета, а выстрела не происходит, – это чрезвычайно редкое и непредсказуемое событие. Поэтому оно и рассматривается героями как подтверждение предопределения, в существование которого даже начинает верить Печорин. Когда Вулич встречает на темной улице казака, задает ему вопрос и погибает от удара шашкой, это – событие, в интерпретации которого переплетаются аргументы за и против, как мы видели это выше. Наконец, когда Печорин с риском для жизни хватается преступника – это результат его грамотных, быстрых и решительных действий (включая заранее организованную им помощь со стороны казаков), то есть воли и активности человека. К фатализму это вообще не имеет отношения.

²⁰ Во фрагменте, где описывается гибель Вулича и реакция на нее Печорина, актуализуются два значения слова «темный». С одной стороны, Вулич шел по «темной улице». С другой, Печорин замечает: «Я один понимал темное значение этих слов» (с. 116). В первом случае имеет место физическая неясность (ограниченная видимость), во втором – смысловая неясность, непонятность.

Можно сказать, есть один эпизод в пользу предопределения, один эпизод в пользу личной активности и свободы воли, и один эпизод является промежуточным. В смысле «экспериментальной проверки» ситуация остается неопределенной и противоречивой.

Столь же противоречивой оказывается и интерпретация, непосредственно принадлежащая Печорину. Ему принадлежат слова: «Происшествие этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатление и раздражило мои нервы; не знаю наверное, верю ли я теперь предопределению или нет, но в этот вечер я ему твердо верил» (с. 115). Твердая вера оказалась недолгой и сменилась не твердым отрицанием, а неопределенной оценкой. Далее Печорин замечает: «После всего этого как бы, кажется, не сделаться фаталистом?» (с. 117). Но, как мы видели, на самом деле ситуация в целом не может быть оценена как однозначное свидетельство в пользу фатализма. Более того, это высказывание появляется в тексте сразу после завершения эпизода с пленением убийцы, которое удалось благодаря личной воле и предприимчивости Печорина. Также Печорин был неточен, описывая причины своего поступка: «...подобно Вуличу, я вздумал испытать судьбу» (с. 117). На самом деле, здесь он поступает не подобно Вуличу, а как прямая его противоположность. Поскольку вместо пассивного ожидания, что же назначит судьба, сам все решает в прямом поединке с врагом.

После Печорин добавляет: «Но кто знает наверное, убежден ли он в чем, или нет?...» (с. 117). То есть, оказывается, речь идет не об адекватной оценке события и соответствующем выводе (в пользу фатализма или против него), а об адекватной (или неадекватной) оценке собственных представлений о предмете. И здесь, как и во многих других случаях, о которых уже шла речь выше, торжествует неопределенность.

Эксперимент Вулича и его интерпретация

Отдельного обсуждения в данном контексте заслуживают высказывания Печорина по поводу предопределения, связанные с экспериментом Вулича. Это относится и к завязке соответствующего мини-сюжета, и к реакции Печорина на данный эксперимент. С одной стороны, Печорин говорит: «– Утверждаю, что нет предопределения» (с. 111). С другой, его предшествующий опыт, судя по его словам о печати близкой смерти, свидетельствует в пользу предопределения. Можно попытаться объяснить это противоречие шуткой и желанием Печорина оживить затянувшийся разговор: «– Предлагаю пари, – сказал я шутя» (с. 111) или, например, связать его с культурно-типологическим аспектом [Лотман, 1988, с. 227]²¹.

Однако такие объяснения были бы недостаточными, так как здесь присутствует и целый ряд других значимых противоречий и неясностей. Прежде

²¹ М. Дрозда пытался сгладить это противоречие тем, что (по его мнению) Печорин лишь в ходе пари «начинает верить в предопределенность биографии человека» [Дрозда, 2014, с. 342]. Однако это не согласуется с текстом, где есть ссылки на предшествующий опыт (как самого Печорина, так и «старых воинов») в пользу предопределения.

всего, обратим внимание на то, какие аргументы в пользу предопределения упоминает Печорин: «...мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его: я замечал, и многие старые воины подтверждали мое замечание, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы» (с. 112). Очевидно, здесь речь идет о погибавших в бою. Но поскольку умереть военному в сражении не представляет собой ничего из ряда вон выходящего, такой аргумент в пользу предопределения выглядит не очень убедительным. Кроме того, поскольку воспоминание об «отпечатке» происходило постфактум, всегда была вероятность невольно подогнать приметы под уже известный результат. Таким образом, ссылка Печорина на предшествующий опыт (свой и «старых воинов») является значимо ослабленной²².

Печорин замечает печать смерти на лице Вулича сразу после того, как становится ясно, что тот собирается осуществить смертельно опасный эксперимент с пистолетом. Однако при этом он ссылается в тексте не на очевидную опасность, связанную с этим конкретным экспериментом, а вспоминает о предшествующем не вполне ясном опыте. Впоследствии «печать смерти», казалось бы, оправдывается в результате гибели Вулича; однако также становится ясно, что, если бы не ошибка Вулича, обратившегося к пьяному казаку, ничего бы не произошло.

Несогласованность присутствует и в непосредственной психологической реакции: «Происшествие этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатление и раздражило мои нервы; не знаю наверно, верю ли я теперь предопределению или нет, но в этот вечер я ему твердо верил: доказательство было разительно» (с. 115). С одной стороны, судя по словам об отпечатке судьбы, Печорин изначально был склонен к вере в предопределение. С другой стороны, он оказался поражен результатом эксперимента, который эту веру подтвердил.

Реакция Печорина, как она описана им самим, последовала в результате осечки пистолета. Но предположим, что осечки не случилось бы, и выстрел убил бы Вулича. Следовало бы это рассматривать как подтверждение предопределения или его опровержение? С одной стороны, нет ничего удивительного, что выстрел из пистолета, приставленного ко лбу, убивает, – предопределение здесь никак себя не проявляет. Но, с другой стороны, это (по крайней мере, на первый взгляд) формально подтвердило бы правоту Печорина и его предсказание скорой смерти Вулича. Однако по указанной выше причине такое «подтверждение» было бы малоинформативным.

Таким образом, ситуация с интерпретацией эксперимента и его информативности (в том числе с учетом возможности альтернативных исходов) далека от определенности.

²² На первый взгляд, «оказывается, что “список, на котором назначен час” смерти человека, существует – это его собственное лицо, и бывают все-таки “верные люди”, которые видели этот список, – это “многие старые воины”» [Тамарченко, 2014, с. 770]. Однако сказанное в основном тексте нашей статьи выше подрывает авторитетность такого отождествления.

Судьба Вулича: альтернативная интерпретация

В дополнение к сказанному выше, можно предложить еще одну интерпретацию соотношения между случайностью и закономерностью, как они проявились в судьбе Вулича. Вернемся к «печати смерти» на лице Вулича, которую замечает Печорин. Если считать ее знаком близкой гибели в смертельно опасном эксперименте, то Печорин ошибся. Если считать, задним числом, что он «предсказал невольно бедному его судьбу» (с. 116), то формально он прав; однако, как мы видели, обстоятельства не позволяют однозначно определить, было ли это полноценное предсказание или случайное совпадение. Но можно, отвлекаясь от конкретики в этих эпизодах, посмотреть на ситуацию с более общей точки зрения.

Вулич является рабом идеи, ради которой он идет на неоправданный и бессмысленный риск. Так, чтобы отдать карточный долг в неуместное время и в неуместном месте (о чем сказал ему даже его карточный партнер), он, не желая ждать, идет сразу отдавать долг, не заботясь «ни о пулях, ни о шашках чеченских» (с. 111). Далее в гостях у майора С*** он ставит свою жизнь на кон. И в третьем эпизоде он зачем-то останавливает вопросом пьяного казака, хотя можно было догадаться об опасности, которая от того исходила (особенно если Вулич действительно заметил шашку в его руке, что было возможно). Если человек ведет себя таким образом, напрашиваясь на ненужную опасность, которой вполне можно было избежать, удивительно ли, что он может закончить жизнь так, как это выпало Вуличу? Тогда «печать смерти», которую Печорин прочитал на его лице, говорит просто о проницательности Печорина и его интуитивном понимании стереотипов поведения Вулича и вытекающего из них вероятного результата.

При интерпретации гибели Вулича и его последних слов значимо противопоставление между случайностью («черт дернул» разговаривать с пьяным) и закономерностью (реализация предсказания в духе фатализма). Но если принять точку зрения, указанную выше, то это противопоставление снимается: закономерность в том и состоит, что этот человек может непредсказуемо совершить смертельно опасную выходку при первом удобном случае. Что рано или поздно приведет к соответствующему результату.

Культурно-типологический аспект

На позиции Печорина и Вулича по отношению к судьбе и предопределению можно посмотреть с культурно-типологической точки зрения. В творчестве Лермонтова выделяются два типа сознания героев. Один из них связан с активным, индивидуалистическим (западным) началом, другой – созерцательным, восточным, для которого характерна покорность судьбе [Кумпан, 1973], причем, по утверждению К. Кумпан, «на столкновении двух типов сознания построена и новелла “Фаталист” (Вулич – двойник Печорина, его восточный вариант)» [Кумпан, 1973, с. 28]. Однако сказанное нами выше не позволяет в данном случае сделать это противопоставление полностью четким

и связать с каждым из двух героев лишь один тип сознания. Печорину свойственны колебания по отношению к вопросу о существовании предопределения. С другой стороны, Вулич, известным образом настаивавший на существовании предопределения, проявил существенную активность для демонстрации правоты своего тезиса. Именно он сначала предложил собравшимся «испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута» (с. 111), а затем сделал это сам. Такое поведение никак не вписывается в тип, для которого характерны безличность или пассивная покорность обстоятельствам. Поэтому, даже если в первом приближении принять разделение, согласно которому с Печориным связано западное сознание, а с Вуличем – восточное, реальная картина оказывается более сложной: в каждом из персонажей обнаруживаются и черты другого типа сознания.

Отчасти это обстоятельство было применительно к Печорину учтено Лотманом, который сделал существенное уточнение и написал, что «Печорин не человек Запада – он человек русской послепетровской европеизированной культуры, и акцент здесь может перемещаться со слова “европеизированной” на слово “русской”. Это определяет противоречивость его характера, и в частности его восприимчивость, способность в определенные моменты быть “человеком Востока”, совмещать в себе несовместимые культурные модели» [Лотман, 1988, с. 227]. Однако эти глубокие соображения не полностью объясняют противоречивую ситуацию с предопределением. Некоторые аспекты проблемы связаны не с характером и психологией воспринимающего сознания, а (как мы видели) с объективной невозможностью дать однозначную интерпретацию событиям. Но и в том, что касается психологии восприятия, противоречия или по крайней мере несогласованности возникают даже в рамках одной и той же культурной модели (скажем, вера Печорина в предопределение – с удивлением от того, что предопределение, как ему это представлялось, подтверждается)²³.

Хотя совмещение культурных моделей действительно имеет место в произведении и весьма содержательно, проблема противоречий к нему не сводится. Она лежит на более глубоком уровне текста и является онтологической чертой мира, предстающего в произведении²⁴.

²³ Укажем на курьезную ошибку Лотмана: «Печорин сразу же задает коренной вопрос: “... если точно есть предопределение, то зачем же нам дана воля, рассудок?”» [Лотман, 1988, с. 226]. На самом деле, об авторстве этих слов в тексте говорится: «сказал кто-то» (110). Неясное авторство вносит свой вклад в проблему неопределенности; приписывание этих слов Печорину обедняет атмосферу неопределенности вокруг вопроса о предопределении.

²⁴ Культурно-типологический аспект, связанный с соотношением Востока и Запада, значим и в целом ряде других произведений Лермонтова, например в «Трех пальмах». Однако попытка однозначно интерпретировать коллизию «Трех пальм» в культурно-типологическом ключе как «апофеоз, проповедь смирения и покорности внешне бессмысленной, но внутренне разумной, божественной действительности» [Кумпан, 1973, с. 27] оказывается односторонней. Внимательный анализ текста обнаруживает и там гораздо более разветвленную и значимо противоречивую картину [Заславский, 2022 а, с. 329–346].

Мотив головы

Проблема предопределенности и свободы воли находит свою реализацию в мотивной структуре произведения: с ней связан мотив головы. Он проходит сквозь весь текст. Впервые голова упоминается в реакции офицерского общества, когда Вулич предлагает свое пари (еще не раскрыв его детали): «... вот чудак! придет же в голову!» (с. 111). Когда начинаются споры, заряжен ли пистолет, кто-то кричит: «...уж верно заряжен, коли в головах висел» (с. 112). Далее оказывается, что Вулич целит себе прямо в лоб. После этого он, чтобы проверить состояние пистолета, стреляет в фуражку, то есть головной убор.

Старуха (мать убийцы) «сидела на толстом бревне, облокотясь на свои колени и поддерживая голову руками» (с. 112). Когда есаул призывает ее поговорить с сыном, она отказывает: «Старуха посмотрела на него пристально и покачала головой». (с. 117). Про убийцу, укрывшегося в хате, говорится: «Выразительные глаза его страшно вращались кругом; порою он вздрагивал и хватал себя за голову, как будто неясно припоминая вчерашнее» (с. 116–117). Печорин решает захватить убийцу: «В эту минуту у меня в голове промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я вздумал испытать судьбу» (с. 117). В решающий момент Печорин «вдруг оторвал ставень и бросился в окно головой вниз» (с. 117). Максим Максимыч высказывает свое мнение, «значительно покачив головою» (с. 118).

Надо полагать, что мотив головы имеет как минимум двойной смысл в произведении. С одной стороны, такой мотив подчеркивает, что на самом деле именно человеческая мысль (а не какая-то внеположная человеку сила предопределения) подталкивает человека к действиям, несмотря на весь риск. С другой – мотив головы указывает на уязвимость человека, вероятность стать объектом опасности. Неслучайно голова в том или ином виде упоминается во всех эпизодах, связанных с риском гибели, причем это относится к замыслу, предварительным обстоятельствам и его исполнению.

Также мотив головы обуславливает литературную параллель с «Выстрелом», где этот мотив играет принципиальную роль [Заславский, 2022 б, с. 87–110]. Напомним важную цитату оттуда об искусстве Сильвио-стрелка: «Искусство, до коего достиг он, было неимоверно, и если б он вызвался пулей сбить грушу с фуражки кого б то ни было, никто б в нашем полку не усумнился подставить ему своей головы» [Пушкин, 1948, с. 65]. В «Фаталисте» же Вулич, будучи уверен в успехе, подставляет свою голову под выстрел не искусного стрелка, а самой судьбы.

Заключение

Если исходить из явных формулировок, которые даны в тексте, то в осмыслении фатализма акцент в произведении делается на вопросе, действительно ли существует «список, на котором означен час нашей смерти» (с. 110). Тем самым выделяется конечная точка на «траектории» человеческой жизни. Но в действи-

тельности в «Фаталисте» художественным образом исследуется вопрос о наличии или отсутствии более общего явления – детерминизма, то есть затрагивается не только конечная точка, но и роль «начальных условий». Детерминизм предполагает, что такие условия однозначно определяют дальнейшую эволюцию жизни человека вплоть до самого конца.

С этим связано и представление о жизни как повторении, с небольшими вариациями предыдущего уже известного образца, который в свою очередь восходит к архетипу. Так, Печорин вспоминает о «битве с привидением», которая, как уже говорилось, в определенном смысле повторяет библейский эпизод борьбы Иакова с ангелом. В дальнейшем Печорин говорит о себе: «... я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» (с. 115).

С другой стороны, в произведении действует иной структурный принцип, противоположный детерминизму. Он проявляет себя несколькими способами. Прежде всего, как неопределенность, неясность образов, интерпретаций событий и самих событий. В ситуациях же с альтернативным выбором – как возможность непредсказуемых исходов.

С подобными обстоятельствами связан вопрос о наличии или отсутствии свободы воли, как свобода воли проявляется в событиях или представлениях персонажей об этих событиях. Представления героев новеллы могут включать как веру в детерминизм, когда судьба заранее «записана», так и в непредсказуемое вмешательство внешних сил. Например, по замечанию Максима Максимича, черт «дернул» Вулича. С другой стороны, его убийца ведет себя так, как будто в него вселился черт. Человеку могут угрожать как собственные роковые ошибки и неразумное поведение, так и отсутствие собственного личностного начала и подверженность внешним воздействиям²⁵.

Фабула произведения находится в поле действия противоположных в структурном отношении сил. Равновесия между ними не существует, и произведение в целом свидетельствует против фатализма. Более того, уже сам факт, что возможны две противоположные интерпретации одних и тех же событий (за фатализм и против), свидетельствует против полного детерминизма и однозначности, осмысленных в духе фатализма.

Однако сказанное выше отнюдь не означает, что в произведении развенчивается представление о закономерностях в человеческой жизни. Случайность и закономерность переплетаются неразделимым образом. Фатализм не получает подтверждения, но закономерность и повторение оказываются естественными и необходимыми – как в индивидуальной истории человека, так и в истории культуры, на образцы которой вольно или невольно ориентируется скептический герой.

²⁵ Здесь напрашивается любопытное сопоставление, ведущее нить от «Фаталиста» к «Штоссу». А именно, как нами обосновывалось ранее, в «Штоссе» дух вселяется в человека, лишая его воли и способности к сопротивлению [Заславский, 2022 а, с. 152–155].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большухин, Л. Повесть «Фаталист» в контексте «Журнала Печорина»: событие и его интерпретации / Л. Большухин, М. Александрова // Критика и семиотика. – 2011. Вып. 15. – С. 102–122.

Дрозда, М. Повествовательная структура «Героя нашего времени» / М. Дрозда // М. Ю. Лермонтов. Pro et contra. Т. 2. – Москва: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии Санкт-Петербург, 2014. – С. 319–346.

Заславский, О. Б. Поэтика Лермонтова. Опыт структурного анализа / О. Б. Заславский. – Москва: Флинта, 2022 а. – 370 с.

Заславский, О. Б. Поэтика Пушкина. Опыт структурного анализа / О. Б. Заславский. – Москва, Флинта. 2022 б. – 564 с.

Кумпан, К. Два аспекта лермонтовской личности / К. Кумпан // Сборник студенческих работ. – Тарту, 1973. – С. 26–28.

Лермонтов, М. Ю. Фаталист / М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. – Москва: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 110–118.

Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4 / М. Ю. Лермонтов. – Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского дома, 2014.

Лотман, Ю. М. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1975. Т. 7. – С. 120–142.

Лотман, Ю. М. «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. – Москва: Просвещение, 1988. – С. 218–234.

Мануйлов, В. А. Комментарии / В. А. Мануйлов // Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. – Санкт-Петербург: Академич. Проект, 1996. – С. 193–369.

Михайлова, Е. Проза Лермонтова / Е. Михайлова. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 383 с.

Поволоцкая, О. «Фаталист» М. Ю. Лермонтова: авторская позиция и метод ее извлечения / О. Поволоцкая // Звезда. – 2008. – № 8. – С. 217–224.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Славутин, Е. И. Структура сюжета / Е. И. Славутин, В. И. Пимонов. – Москва: Флинта, 2018. – 169 с.

Тамарченко, Н. Д. О смысле «Фаталиста» / Н. Д. Тамарченко // М. Ю. Лермонтов. Pro et contra. Т. 2. – Москва: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 765–773.

Тюпа, В. А. Анализ художественного текста / В. А. Тюпа. – Москва: Изд. Центр «Академия», 2009. – 336 с.

Шекспир, У. 1994. Полное собрание соч. в 8 т. Пер. Б. Л. Пастернака / У. Шекспир. – Москва: Тетра, 1994.

Эйхенбаум, Б. М. Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки / Б. М. Эйхенбаум. – Ленинград: Гос. изд-во, 1924. – 168 с.

REFERENCES

Bol'shuhin, L. Povest' «Fatalist» v kontekste «Zhurnala Pechorina»: sobytie i ego interpretacii / L. Bol'shuhin, M. Aleksandrov // Kritika i semiotika. – 2011. Vyp. 15. – S. 102–122.

Drozda, M. Povestvovatel'naya struktura «Geroya nashego vremeni» / M. Drozda // M. Yu. Lermontov. Pro et contra. T. 2. – Moskva: Izd-vo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. – Sankt-Peterburg, 2014. – S. 319–346.

Ejhenbaum, B. M. Lermontov: Opyt istoriko-literaturnoj ocenki / B. M. Ejhenbaum. – Leningrad: Gos. izd-vo, 1924. – 168 s.

Kumpan, K. Dva aspekta lermontovskoj lichnosti / K. Kumpan // Sbornik studencheskih rabot. – Tartu, 1973. – S. 26–28.

Lermontov, M. Yu. Fatalist / M. Yu. Lermontov // Lermontov M. Yu. Geroj nashego vremeni. – Moskva: Izd-vo AN SSSR, 1962. – S. 110–118.

Lermontov, M. Yu. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 4 / M. Yu. Lermontov. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Pushkinskogo doma, 2014.

Lotman, Yu. M. «Fatalist» i problema Vostoka i Zapada v tvorcestve Lermontova / Yu. M. Lotman // Lotman Yu.M. V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol': Kn. dlya uchitelya. – Moskva: Prosveshchenie, 1988. – C. 218–234.

Lotman, Yu. M. Tema kart i kartochnoj igry v russkoj literature nachala XIX veka / Yu. M. Lotman // Trudy po znakovym sistemam. – Tartu, 1975. T. 7. – S. 120–142.

Manujlov, V. A. Kommentarii / V. A. Manujlov // Lermontov M. Yu. Geroj nashego vremeni. – Sankt-Peterburg: Akademich. Proekt, 1996. – S. 193–369.

Mihajlova, E. Proza Lermontova / E. Mihajlova. – Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1957. – 383 s.

Povolockaya, O. «Fatalist» M. Yu. Lermontova: avtorskaya poziciya i metod ee izvlecheniya / O. Povolockaya // Zvezda. – 2008. – № 8. – S. 217–224.

Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 16 t. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959.

Shekspir, U. Polnoe sobranie soch. v 8 t. Per. B. L. Pasternaka / U. Shekspir. – Moskva: Terra, 1994.

Slavutin, E. I. Struktura syuzheta / E. I. Slavutin, V. I. Pimonov. – Moskva: Flinta, 2018. – 169 s.

Tamarchenko, N. D. O smysle «Fatalista» / N. D. Tamarchenko // M. Yu. Lermontov. Pro et contra. T. 2. – Moskva: Izd-vo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. – Sankt-Peterburg, 2014. – S. 765–773.

Tyupa, V. A. Analiz hudozhestvennogo teksta / V. A. Tyupa. – Moskva: Izd. Centr «Akademiya», 2009. – 336 s.

Zaslavskij, O. B. Poetika Lermontova. Opyt strukturnogo analiza / O. B. Zaslavskij. – Moskva: Flinta, 2022 a. – 370 s.

Zaslavskij, O. B. Poetika Pushkina. Opyt strukturnogo analiza / O. B. Zaslavskij. – Moskva, Flinta. 2022 b. – 564 s.